

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ КВАЗИ-СУДЕБНЫХ ИНСТИТУТОВ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ КАК ЭЛЕМЕНТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

**Абдужабборов Жавлонбек Пахлавон угли
(юрисконсульт в ООО СП «KUNUGI»)**

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается правовая природа квазисубъектов в гражданском праве как промежуточной категории между объектами и полноценными субъектами права. Автор анализирует особенности их правосубъектности, включая частичную правоспособность и отсутствие дееспособности, а также зависимость от социальной и правовой значимости. Особое внимание уделено таким примерам квазисубъектов, как нерождённый ребёнок, умерший гражданин и искусственный интеллект. На основе анализа отечественной и зарубежной доктрины, а также международные акты, показано, что квазисубъекты восполняют пробелы в традиционной системе субъектов гражданского права. Делается вывод, что развитие института квазисубъектов отражает адаптацию права к современным социальным и технологическим изменениям, а также необходимость выработки правовых и этических рамок для регулирования статуса и ответственности новых участников правовых отношений.

Ключевые слова: квазисубъект права, правосубъектность, правоспособность, дееспособность, искусственный интеллект, цифровизация, юридический статус.

ВВЕДЕНИЕ

В современном праве все чаще возникают ситуации, когда традиционные категории субъектов права не полностью охватывают новых участников общественных отношений. Квазисубъекты права представляют собой промежуточную категорию между объектами и полноценными субъектами, обладающими частичной правоспособностью, но не имеющими полной дееспособности или других ключевых признаков субъективности.

Цель статьи — проанализировать правовую природу квазисубъектов в гражданском праве и выявить особенности их правосубъектности. Задачи включают определение понятия квазисубъекта, анализ примеров из доктрины и

практики, а также оценку перспектив трансформации в полноценных субъектах.

МЕТОДЫ

Методологическая основа включает общенаучные методы (логический и системный анализ, синтез) и частноправовые методы (юридико-технический анализ, сравнительное правоведение). Использованы труды отечественных авторов так и зарубежные. Для анализа правовой природы квазисубъектов применен сравнительный подход к нормам Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) и Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ), а также международным актам, таким как Конвенция о правах ребенка [7]. Дополнительно привлечены источники по теории правоотношений, включая работы по роботизации и ИИ.

РЕЗУЛЬТАТ

Анализ показал, что квазисубъекты в гражданском праве характеризуются официальным или доктринальным признанием правоспособности, но отсутствием полной правосубъектности. Согласно Е.В. Пономаревой, для квазисубъекта типично наличие лишь некоторых признаков субъекта права, таких как социально-правовая ценность, но без ключевых элементов, необходимых для определения правосубъектности [1]. В теории правоотношений квазисубъекты определяются как лица, не обладающие всеми признаками субъекта, но реализующие интересы через интересы полноценных субъектов, часто в форме конституционно-правового императива (например, будущие поколения) [8].

Н.Н. Ткачева на своих исследованиях рассматривает вопрос нерожденного ребенка (плода) и умершего гражданина как квазисубъект. Нерожденный ребенок наделяется ограниченной процессуальной правоспособностью для защиты права на судебную защиту, что соответствует преамбуле Конвенции о правах ребенка, требующей защиты "как до, так и после рождения" [7]. Н.Н. Ткачева предлагает наделить плод ограниченной гражданской процессуальной правоспособностью, а М.М. Михайлова рассматривает ее в "усеченном" варианте, ссылаясь на медицинское признание эмбриона отдельным организмом [6]. Это позволяет защищать интересы плода в суде, но без дееспособности — права реализуются через мать или представителей. Умерший гражданин остается квазисубъектом без оснований для полноценного

статуса, поскольку его права (на честь, достоинство, погребение и т.д.) реализуются через наследников, но смерть прекращает дееспособность.

В общей теории правоотношений квазисубъекты также включают роботов и ИИ. А.А. Головина отмечает, что роботы на текущем этапе — объекты права, подпадающие под категорию "вещей", с возможностью сделок (купля-продажа, наследование) [2]. Однако перспективы роста автономности ИИ позволяют рассматривать их как квазисубъекты с частичной правоспособностью. Ю.А. Тихомиров подчеркивает вызовы научного прогресса, включая риски от ИИ [5]. Также особое внимание в современности привлекают интеллектуальные агенты и киберфизические системы, которые не несут ответственности, но наделены правами и обязанностями (например, в DAO) [8].

В статье М.М. Бердиалиева рассматриваются теоретические подходы к определению правового статуса искусственного интеллекта (ИИ) в гражданско-правовых отношениях. Автор анализирует существующие концепции — отрицательную, позитивную и компромиссную теории — и приходит к выводу, что ИИ, обладая способностью принимать решения, создавать результаты интеллектуальной деятельности и участвовать в хозяйственных процессах, не может быть признан полноценным субъектом права [12]. С.С. Расулов в своей статье тоже указывает роль ИИ в качестве инструмента для модернизации судебной системы, который при правильном использовании способен повысить доверие граждан к правосудию и ускорить развитие цифрового государства [13].

Такой подход позволяет наделить ИИ частичной юридической самостоятельностью в определённых рамках (например, при заключении сделок или ответственности за причинённый вред), сохраняя при этом основную ответственность за его действия за разработчиками и владельцами. Таким образом, ИИ рассматривается как особая правовая конструкция — не субъект и не объект в традиционном смысле, а промежуточная категория, подобная юридическому лицу в рамках фиктивной или органической теории, что подтверждает развитие квазисубъектности в современных гражданских отношениях.

Особенности правосубъектности квазисубъектов:

- (1) частичная правоспособность (например, право плода на защиту в суде);
- (2) отсутствие дееспособности (реализация прав через представителей);
- (3) зависимость от общественной ценности (защита уязвимых групп);
- (4) перспектива трансформации (для плода — в полноценного субъекта после рождения; для ИИ — при развитии автономии).

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты подтверждают, что квазисубъекты заполняют пробелы в традиционной дихотомии "субъект-объект". В гражданском праве это способствует балансу частных и публичных интересов. Однако возникают проблемы: отсутствие единого определения приводит к неоднозначности в практике, например, в наследственных спорах с умершим как квазисубъектом. Для роботов актуальна ответственность: вред от ИИ часто вменяется владельцу, но будущие модели могут требовать новых подходов к личности. Это вызывает этические вопросы, такие как автономия воли у ИИ, аналогичная историческим институтам.

Перспективы: признание плода полноценным субъектом может быть интересным направлением правовой политики. Для ИИ — введение квазисубъектности в будущем, с учетом международных инициатив. Это может потребовать изменений в законодательстве для четкого разграничения, включая нормы о ответственности роботов. В контексте цифровизации системы ИИ могут эволюционировать в субъекты при достижении определенного уровня развития. Однако риски включают злоупотребления, поэтому необходимы этические рамки, интегрирующие международные стандарты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование показало, что квазисубъекты права представляют собой особую категорию участников общественных отношений, находящуюся между объектами и полноценными субъектами права. Они обладают частичной правоспособностью, но лишены дееспособности, в связи с чем их интересы реализуются через представителей или операторов. Квазисубъекты позволяют восполнить пробелы в правовом регулировании, обеспечивая защиту интересов таких категорий, как нерождённый ребёнок, умерший гражданин, а также искусственный интеллект. Для первых двух квазисубъектов характерна зависимость от биологических и социальных факторов, тогда как для ИИ — от уровня технологической автономности и правового признания его функций.

Таким образом, формирование и развитие института квазисубъектов отражает адаптацию гражданского права к изменяющимся социальным и технологическим условиям. В условиях цифровизации и внедрения искусственного интеллекта в правовую сферу особое значение приобретает установление четких правовых рамок, регулирующих их статус, ответственность и этические границы применения. Концепция

квазисубъектности может стать основой для будущего реформирования законодательства, направленного на баланс между инновациями и защитой фундаментальных прав человека, а также на создание устойчивой модели взаимодействия человека и технологий в гражданском обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пономарева, Е. В. (год не указан). Работа, цитируемая в Худошин, А. С. (2025). Квазисубъекты в гражданском процессуальном праве: современное состояние и обозримое будущее. Вестник Саратовской государственной юридической академии, 3(164), 152-155.
2. Головина, А. А. (2023). Квазисубъекты права в современной теории правоотношений: понятие и перспективы развития в XXI в. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 4, 149-157.
3. Чубукова, С. Г. (2023). Квазисубъекты в киберправе. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2(102), 53–61.
4. European Parliament. (2017). Resolution with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). Official Journal of the European Union, C 252, 18.7.2018.
5. Тихомиров, Ю. А. (2019). Поведение в обществе и право. Журнал российского права, 5, 18.
6. Худошин, А. С. (2025). Квазисубъекты в гражданском процессуальном праве: современное состояние и обозримое будущее. Вестник Саратовской государственной юридической академии, 3(164), 152-155.
7. Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., ратифицирована постановлением Верховного Совета СССР от 13 июня 1990 г. № 1559-1. Сборник международных договоров СССР. 1993.
8. Chubukova, S. G. (2023). Quasi-subjects in cyber law. Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA), 102(2), 53–61.
9. Fakurdinova, A., Kopylova, O., Medvedeva, S., & Tskhovrebova, B. (2022). The Origin and Formation of Quasi-judicial Institutions of Social Control as Elements of Civil Society. Advances in Social Science, Education and Humanities Research, 646, 98–102.
10. Nevejans, N. (2016). European civil law rules in robotics. European Parliament's Committee on Legal Affairs.
11. Пономарева, Е. В. (2019). Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения (Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук). Екатеринбург.

12. Бердиалиев, М. М. (2025). В гражданских правоотношениях определение правового статуса искусственного интеллекта. Ташкентский государственный юридический университет, 120–126. <https://doi.org/10.5281/zenodo.15770597>
13. Тошматова, В. И. К., и Расулов, С. С. У. (2025). *Внедрение искусственного интеллекта в правовую систему Республики Узбекистан: перспективы и правовые аспекты*. Университет мировой экономики и дипломатии, 20–25.